
СМЫСЛ ЖИЗНИ И ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНО-МЕТАФИЗИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ВОЙНЫ: ОПЫТ РОССИИ 1914—1918 ГГ.*

В.В. Ванчугов

Кафедра истории русской философии
Философский факультет
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, 27/4, Москва, Россия, 119991

В статье систематизированы высказывания представителей общественной мысли России, указавших на историческое, политическое, философское и богословское измерения Первой мировой войны, ставшей новой точкой «историософского отсчета» и важным моментом коллективной идентификации и индивидуального самоопределения.

Ключевые слова: война, идентичность, идеология, интеллигенция, мифология, образ, общество, политика, психология, религия, церковь.

Период Первой мировой войны, являясь одним из факторов крушения Российской империи и последовавшего построения нового типа общества, требует специального рассмотрения и всестороннего осмысления, в том числе и философского. В данной статье будет выделен лишь один аспект метаморфозы сознания того времени — формирование образов коллективных сущностей, прежде всего из потребностей репрезентации и идентификации в окружении друзей и врагов.

Непрерывное взаимодействие государств формирует определенный набор суждений друг о друге, и представления о том или ином народе, появившиеся в мирное время, проходят испытание на истинность в условиях военных, чтобы, в свою очередь, далее оказывать влияние на развитие отношений уже в послевоенных условиях, так что все эти представления принимают очертания поочередно то врага, то друга.

Как в науке, так и в бытовой повседневности людям присуще в своих суждениях оперировать общностями. Только представитель науки использует это с осторожностью, соблюдая определенные и согласованные процедуры, а обыватели склонны к поспешным обобщениям из единичных случаев. В любом сообществе мы найдем совокупность суждений как о себе, так и о других народах. Обыденное сознание и художественная литература богаты суждениями типа «все они такие!»... Россия не исключение, и в этот процесс осмысления включены были философы, создававшие не просто собирательный образ, а образ, имеющий определенный смысл.

Как системообразующий элемент философия распространяется не только вширь (географически), но и вглубь цивилизации. Последнее проявляется в том,

* Содержание статьи впервые было представлено автором на Десятых юбилейных саранских философских чтениях: «Образ России в русской философии, истории и культуре» в Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева в 2014 г. Публикуется с его разрешения и с сокращениями.

что среди интеллектуалов того или иного народа с особой остротой ставится такая задача, как постижение «коллективного духа», «души народа», «лика нации». В этом случае общество рассматривается не в своей конкретности (что является задачей этнографии и этнологии), а в своей «умопостигаемой сущности», то есть метафизически. Философами постигается «высшая идея» нации, их исторического сообщества, то есть в философских терминах представляется то, что она «сама думает о себе», или то, что высший разум (Бог) думает о ней в вечности. И все это становится известно общественному сознанию посредством спекулятивных способностей тех мыслителей, которым кажется, что они конгениальны абсолютному разуму, Всевышнему и т.д. и т.п.

Народы взаимодействуют друг с другом в различных сферах, вступая в торговые и финансовые отношения, путешествуя, отдыхая, обучаясь и даже мягко или остро конфликтуя, объявляя войну. В последнем случае мы формируем или корректируем образы не только своих врагов, но и собственные, выделяя наиболее существенные черты, отвечающие времени. В этом плане военный опыт оказывается не менее, а то и более ценным, в том числе когда речь заходит об образе России. Препятствие становится врагом, на этом фоне мы рефлексируем относительно наших устойчивых мнений об окружающем мире и о самих себе. Например, в отношениях с французами россияне испытывали и приливы восторга, и погружались в пучину ненависти: с одной стороны, Франция — источник нового света, оплот Просвещения, крупнейший поставщик учителей в дворянские семьи; с другой стороны — агрессор. Когда войска самой просвещенной страны Европы вторглись в Россию в 1812 г., белокаменная с золотыми куполами затянулась клубами дыма от бесчисленных пожарищ, как и при нашествиях варваров... «И только у себя, под заревом Москвы, до самобытности додумались мы», — подвел итог поэт Ф.Ф. Бобылев в меланхолическо-метафизическом стихотворении «Русская дума».

В данной статье я и предлагаю обратиться к опыту войны, в частности, Первой мировой (1914—1918), «Второй Отечественной», которая стала вехой в истории общественной мысли России, во время которой философы, богословы, ученые и писатели на основании анализа происходящего определяют место России в европейском культурном ландшафте, выявляют типы культуры в геополитическом контексте (1). Как для России, так и других участников военного конфликта она превратилась в одно из оснований самоопределения и самопознания. Все наши истории войны или, точнее, военные истории, становятся и частью истории духа. Порой именно война, открытый конфликт, боевое столкновение провоцируют поток рассуждений, дающих богатый материал на тему «коллективной психологии», позволяют выявить скрытые ранее ощущения, проявиться всему комплексу положительных и отрицательных эмоций, представлений о другом и своем.

Будучи губительной, деструктивной для жизни (война развращает людей, причащает их убивать, не испытывая при этом нравственных страданий), она оказывается «полезной» для науки о духе. Именно под грохот пушек иные философы лучше думают и чаще пишут. Меняя контуры политических карт, она изменяет и миро-

воззрение. Отбрасывает оказавшиеся негодными представления о себе и о других. А опыт «человека на войне» существенным образом обогащает такие разделы философии, как спекулятивная антропология и умозрительная психология. Так что изучение человека в условиях немирного времени, его переживаний, настроений, мыслей и ощущений на войне — это не только задача военного историка, но и социального философа, обращающего внимание на культурный контекст поведения человека, исследование цивилизационных форм, на историю повседневности в экстремальных условиях, индивидуальные и коллективные представления людей о жизни и смерти.

Почти все представители интеллигенции стремились высказаться, показать свое осмысленное отношение к начавшейся войне, дать ей сущностное определение в категориях той научной школы или философской традиции, к которой они принадлежали. Среди главных тем для дискуссий тех беспокойных лет — выявление «смысла войны», формирование специфического жанра «метафизика войны и мира».

Используя современную типологию, можно сказать, что сформировалось ситуативно обусловленное междисциплинарное направление исследований, в которое были вовлечены философы и психологи, богословы и политические публицисты, представители всех областей гуманитарного знания. Конфликтовавшие в мирное время, в период войны сходились во мнениях, а прежде единомышленники расходились по разные стороны.

1. РОССИЯ — ДУХОВНОСТЬ

Особую актуальность в умопостижении Первой мировой войны приобретает изучение того, как она отражалась в представлениях современников, в частности интеллигенции, выполнявшей функцию общественной совести и коллективного самосознания. Ответом интеллигенции на вызовы времени стало создание целого ряда произведений искусства и проведение научных исследований: выявление причин и характера новой войны, анализ внутри- и внешнеполитических событий, состояния экономики, культуры, науки, образования. Экономисты усматривали причины войны в борьбе великих держав за доступ к рынкам сбыта и источникам сырья, историки находили скрытые прежде причины, обращая внимание на объективные факторы, которым раньше не придавали значения, психологи указывали на роль индивидов и значение субъективных факторов, включая патологии сознания.

Изучив книжку В.В. Розанова «Война 1914 года и русское возрождение», Н.А. Бердяев с иронией замечает, что славянофильство на этот раз возродила война, и в этом ее основной смысл («О „вечно-бабьем“ в русской душе»). Многие философы, непременно указывая на отрицательный характер войны, все же пытались найти в ней и положительные моменты, используя диалектические приемы, характерные для В.С. Соловьева, который в трактате «Оправдание добра» (1894—1897) и в итоговом сочинении «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1900), признав войну злом, усмотрел ее позитивный смысл в том, что она ведет к «политическому объединению человечества».

В работе его последователя Е.Н. Трубецкого «Смысл войны» (1914), где объединены статьи мыслителя, напечатанные в «Русских ведомостях», война мыслится в контексте коллективной рефлексии, и ее смысл Е.Н. Трубецкой видит в том, что Россия совершила огромный шаг в самосознании. Именно благодаря боевому столкновению европейских держав нас отныне гораздо глубже захватывают незамечаемые в мирное время и красота природы, и своеобразие народной мелодии, и духовная глубина русского искусства и, что гораздо важнее, все прежде отрывочные переживания и впечатления связываются в единый, целостный образ России, усиливается чувство ценности всего индивидуального, незаменимого, единственного в своем роде, что есть в «лике народном». И в этом новом мироощущении заключается одно из наиболее ясных откровений духовного смысла настоящей войны («Отечественная война и ее духовный смысл»).

Н.А. Бердяев, который, по его собственным словам в «Самопознании», пережил три войны, из которых две мировые, а также две революции в России, много внимания уделял «психологии войны», поскольку именно в ней, по его мнению, следует искать разгадку психологии народных масс, она является наиболее убедительным опровержением рационалистического обоснования общественности (2).

Свои суждения относительно психологии войны и ее смысла он свел воедино в сборнике статей «Судьба России» (1918), с характерными психофизиологическими заголовками. При этом Н.А. Бердяев замечает, что хочет говорить не только и не столько о нынешней войне, а о всяком состоянии немирного времени, чтобы ответить на вопросы «что являет собою война?» и «как философски осмыслить войну?» (3).

Необычайный патриотический подъем вызвала война у И.А. Ильина, откликнувшегося статьями, брошюрами, лекциями и выступлениями. 13-го декабря 1914 г. он прочитал доклад «Об основном нравственном противоречии войны», а некоторое время спустя выступил с публичной лекцией «О духовном смысле войны» (1915). Духовный смысл войны заключается, по его мнению, в том, что она несет людям и народам духовное испытание и духовный суд, и что великий народ должен воевать, оставаясь на нравственной высоте. Так что вполне допустим, считал он, воинственный подъем у населения, но не озлобление и не ненависть, и не уличные погромы, а также бесстрашие к врагу, но не презрение и не месть, не жестокость и не травля.

2. РОССИЯ — СВЯТАЯ РУСЬ

Для этой войны, как и для прежних вооруженных конфликтов, характерно присутствие в рядах бойцов духовенства, а соответственно и насыщенность текстов и речей религиозными терминами, образами, уподоблениями, метафорами, почерпнутых из Святого Писания и богословских трактатов. Также среди описывающих военные реалии — мыслители, которых принято относить к разряду «религиозных», а потому их суждения о войне и мире насыщены не только метафизическими формулами, но и теологемами и мифологемами, а рассуждения о политическом моменте ведутся в контексте сакральной географии.

Всплеск патриотизма сопровождается ростом национализма, восприятие войны происходит в контексте противопоставления германства и славянства, обращением к образу «Святой Руси». Стоит отметить, что еще столетие назад, когда в июле 1812 г. в Москве началось формирование народного ополчения, в это же время родилась и «За Царя, за Русь Святую!», а ранее девиз «Боже, храни Святую Русь!» встречался на знаменах ополчения Минина и Пожарского. В манифесте Николая I, изданном в 1848 г. по поводу революции во Франции, также говорилось о Святой Руси (4), о ней же рассуждают публицисты и богословы XIX в. И вот в условиях войны эта метафора-формула стала использоваться как в пропаганде, так и в рассуждениях интеллектуалов-идеологов. 29 июля 1914 г. Совет профессоров Петроградского университета в адресе на имя Николая II заверял, что вместе с царем они горят стремлением служить «оружию, поднятому в защиту Святой Руси и всего славянства».

Тем временем в своих исследованиях М.К. Любавский стремился показать, что борьба славян с германской агрессией имеет глубокие исторические корни, и что у славян всегда было два врага: туранство (в лице Османской империи) и германство. Борьба с Германией виделась ему как исторический долг «славянского колосса» — России. Именно она, «столп и утверждение славян», должна помочь им одолеть врага, который угрожает самому их существованию (5). «Центр и мощь славянства» России видел и А.С. Изгоев (6), а В.Ф. Эрн заявлял, что «время славянофильствует» (7).

3. РОССИЯ СЛАВЯНОФИЛЬСКАЯ

Однако Е.Н. Трубецкой, наоборот, «славянофильские формулы времен турецких войн» считал не соответствовавшими историческому моменту и более приемлемой для России полагал «сверхнациональную, универсальную» задачу «политического возрождения всех поработенных национальностей». Их будущее он видел в том, чтобы играть роль «сторожевых постов против Германии» (8). Сверхнародный, сверхпартийный смысл настоящей войны — вот что, по мнению Трубецкого, составляет силу России, славян и их союзников.

Славянофильство — литературно- и религиозно-философское течение русской мысли, оформившееся еще в 40-х гг. XIX в., представители которого отстаивали точку зрения о существовании для России собственного, самобытного пути исторического развития. К началу XX в. это движение не только не исчезло с общественной сцены, но и получило новый импульс в полемике с западниками, дав повод заговорить о «неославянофильстве», толкуя его то как позитивный, то как негативный момент эволюции данного направления мысли.

Д.С. Мережковский на заседании «Религиозно-философского общества» в Петрограде (26.10.1914) отмечал, что в настоящей войне происходит «торжество славянофильского национализма, окончательно выродившегося в „зоологический патриотизм“». Вот почему исконная задача русской общественности — борьба с национализмом — сейчас труднее и ответственнее, чем когда-либо» (доклад «О религиозной лжи национализма»).

К подобному восприятию склонен был и Н.А. Бердяев. Прочитав книжку В.В. Розанова «Война 1914 года и русское возрождение», он отметил, что эта работа «свидетельствует о возрождении славянофильства», однако после В.С. Соловьева нет уже возврата к старому славянофильству и еще более, чем мыслью, «опровергнуты славянофильские зады жизнью... Я думаю, что нынешний исторический день совершенно опрокидывает и славянофильские, и западнические платформы и обязывает нас к творчеству нового самосознания и новой жизни... Мировая война, конечно, приведет к преодолению старой постановки вопроса о России и Европе, о Востоке и Западе. Она прекратит внутреннюю распрю славянофилов и западников, упразднит и славянофильство, и западничество, как идеологии провинциальные, с ограниченным горизонтом» (9). Ему энергично возражал В.Ф. Эрн, отражая нападки на славянофильство, которому, как он полагал, не могут простить того, что «оно воскресает; больше того, воскресает в новых, неожиданных, непредвиденных критикой формах», и это вызывает негодование в самых различных людях, в негодовании этом «шестидесятник А. Кизиветтер встречается с самым авангардным мистиком Н. Бердяевым», статья которого «О „вечно бабьем“ в русской душе» — пример «кавалерийского наезда» (10).

Война изучается всесторонне с первого и до последнего дня ведения боевых действий, современники всматриваются в происходящее с разных точек зрения. Стволы орудий временами остывают, но не воображение интеллектуалов в тылу, постигающих смысл произошедшего. Война воспринимается интеллектуалами как столкновение миров, племен, рас, культур, цивилизаций. «Ныне разразилась, наконец, давно жданная мировая борьба славянской и германской расы», — отмечал Н.А. Бердяев, для В.Ф. Эрна — это был натиск на славян, «налет Валькирий», для В.В. Розанова — «исполин пошел на исполина», и экспозиция такова: «За нашей спиной — все славянство, которое мы защищаем грудью. Пруссия ведет за собой всех немцев — и ведет их к разгрому не одной России, но всего славянства. Это — не простая война; не политическая война. Это борьба двух миров между собой» («Война 1914 года и русское возрождение»).

Историк М.К. Любавский в докладе о деятельности Московского университета по линии государственной обороны отметил, что в случае поражения Россия попадет в зависимость хуже, чем при татарах, а в речи перед гимназистами он нарисовал возможное будущее в случае поражения от тевтонской орды: «Знайте, господа, что это новое иго во сто крат будет тяжелее прежнего ига, татарского. Татарин только грабил имущество русского человека, но оставлял в покое его душу; тевтон стремился пожрать не только материальное благосостояние других народов, но и их духовную индивидуальность» (11).

Аналогия между Германией и монгольскими завоевателями замечена и в суждениях С.Л. Франка, который, анализируя духовные основы германского милитаризма, подчеркнул, что в немцах тесно переплелись высокая научная культура и низкая, варварская мораль. Исходя из этого он назвал Германию, используя давнее сравнение А.И. Герцена, «Чингисханом с телеграфом» (12). Однако С.Н. Булгаков напомнил соотечественникам и о другой тенденции: «Никогда еще за свою историю, — отметил он, — Россия до такой степени не сближалась с Европой, столь тесно, так органически не входила в ее семью» (13).

4. РОССИЯ ЖЕНСТВЕННАЯ

Активная роль на войне всегда отводилась мужчинам, которые с оружием в руках защищали свою страну на полях сражений, в то время как женщины оставались дома, обеспечивая надежный тыл. Однако в этой войне наши женщины играют иную роль, не только в качестве медицинских сестер, но и массово принимая участие непосредственно в боевых действиях, так что к 1917 г. в России было не менее 6 тысяч солдат «слабого», в категориях традиционного общества, пола, впервые в мире нами создаются отдельные женские воинские подразделения, что разрушало все прежние гендерные нормы.

Также следует особо отметить, что европейская война воспринималась и как столкновение двух стихий, как оппозиция «мужского» и «женского» начал. Это можно заметить даже в этнопсихологическом портрете В.Ф. Эрна, данного С.Н. Булгаковым. По его мнению, шведско-славянская двойственность, которая отличала В.Ф. Эрна, дает «сложную половую характеристику», а именно: «Начало волевой мужественности, соответствующее в нем шведской стихии, имеет само по себе подпочвенное сродство с германским женоненавистничеством, безженностью, небратскостью, насильничеством германского духа» (14).

Тема была подхвачена Н.А. Бердяевым в книге «Судьба России (Опыты по психологии войны и национальности)», где отмечалось, что русский народ не желает быть «мужественным строителем», поскольку его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он «всегда ждет жениха, мужа, властелина»; Россия — «земля покорная, женственная», а вот германская раса — «мужественная, самоуверенно и ограниченно мужественная» («Психология русского народа»). А в заключении X главы «Русской идеи» (1948), в контексте уже завершившейся Второй мировой войны, он отметит: «Немцы давно уже построили теорию, что русский народ — народ женственный и душевный в противоположность мужественному и духовному немецкому народу. Мужественный дух немецкого народа должен овладеть женственной душой русского народа. С этой теорией связывалась и соответственная практика. Вся теория построена для оправдания германского империализма и германской воли к могуществу. В действительности русский народ всегда был способен к проявлению большой мужественности, и он это докажет и уже доказал германскому народу. В нем было богатырское начало... Всякий народ должен быть муже-женственным, в нем должно быть соединение двух начал. Верно, что в германском народе есть преобладание мужественного начала, но это скорее уродство, чем качество, и это до добра не доводит... Германская идея есть идея господства, преобладания, могущества; русская же идея есть идея коммюнитарности и братства людей и народов» [1. С. 299].

5. РОССИЯ ПРАВОСЛАВНАЯ

Начавшаяся война представлялась некоторыми религиозными мыслителями как суд Божий, что только подчеркивало эпохальность момента. Уже с первых дней Святейший Синод определил войну как испытание Божие, говоря о необходимости защищать «слабых и угнетаемых меньших братий, родных по вере

и по племени». В первый день войны в Казанском соборе было совершено всенощное молебствие о даровании победы российскому воинству, после чего состоялось синодальное заседание. Церковь брала на себя организацию содействия Отечеству в великом для Родины деле победы над врагом. Предписывалось совершать моления Господу Богу о даровании победы христоролюбивому российскому воинству, свершаемое во время брани с супостатом, с коленопреклонением, по чину, напечатанному в Последовании молебных пений, с произнесением при этом пастырского поучения, а затем приносить Господу Богу в церквах повседневные молитвы о победе над врагом.

Особого внимания заслуживают попытки представления войны как противостояния конфессий, противоборство протестантского немецкого, католического французского и православного русского народов. Война рассматривалась как пробуждение ужасного «тевтонского зверя», которому весь христианский мир должен дать отпор.

Наряду с преобладанием историософской тематики в суждениях о войне заметна и религиозная риторика, пронизывающая статьи и выступления.

Религиозная система метафор становится одной из доминирующих при описании и интерпретации событий в публицистике того времени. Начало было положено речью Николая II в Государственном Совете и Думе после объявления войны, когда прозвучало: «Велик бог земли русской!». И далее интерпретация происходящего на полях сражений в контексте религиозного только усиливалась. В публичной лекции «Война и русское самосознание» (1915) С.Н. Булгаков заявил, что война означает новый и великий этап в истории русского самосознания, а именно — освобождению русского духа от идолопоклонничества перед Западом, что можно определить, перефразируя Ницше, как «крушение кумиров», а потому и обретение великой свободы. Он заявил также, что весь мир ждет «русского слова», всплеска русского творчества и вдохновения, которое обнаружит всю мощь русского духа, его религиозную глубину и тем самым представит всем «третий Рим». Выступающий призвал к тому, чтобы «явить ново-византийскую, русско-православную культуру христианского востока», и тогда «свершится полнота западно-восточного мира, сомкнется круг исторической цепи».

В лекции «Лик России. Великая война и русское призвание», с чтением которой С.Н. Дурылин выступает в 1914—1916 гг. в Москве, Костроме, Рыбинске и других городах, война оправдывается провиденциальным предназначением России сбросить Православие, освободить славян и армян от гнета Австрии и Турции, а в книге «Град Софии. Царьград и Святая София в русском народном религиозном сознании» (М., 1915) он говорит о «нашем единственном, но безмерном праве» на Константинополь, обусловленном почитанием Софии Премудрости Божией со времен Древней Руси.

6. У РОССИИ СВОЙ БОГ

Православие послужило одним из способов самоидентификации, а также обоснования справедливости войны (немцы напали на единоверных братьев-славян, которых мы, как истинные православные, должны защищать). Особо Примеча-

тельно, что в контексте религиозной системы метафор с началом войны бьются не просто государства и народы, но и патронирующие их боги, высшие существа и сущности. Это отмечено было, в частности, на одном из заседаний Религиозно-философского общества в Петрограде (21 декабря 1914 г.) в выступлении С.М. Соловьева («О современном патриотизме»), где император Вильгельм предстал не только как «бронированный кулак», но и как воплощение «большой идеи»: «Он считает себя орудием Божиим, наследником рыцарей меченосцев. Борьба с Германией получит высокий смысл и мировое значение, если Россия покажет себя в ней как подлинная Христова Русь, Русь любви, жертвы и подвига. И она уже показала себя именно в этом смысле» [3. С. 101]. В своей работе с примечательным названием «Меч и крест» В.Ф. Эрн отмечает, что для России меч — служение, а над ним, как святыня, крест, и потому русское воинство, бесстрашное и несущее свет, есть прежде всего духовная сила.

Сочувствующий В.Ф. Эрну оппонент Н.А. Бердяев опишет элементы «религии германизма», признавая германский народ «той единственной чистой арийской расой, которая призвана утверждать европейскую духовную культуру не только усилиями духа, но также кровью и железом» («Судьба России»).

Среди прочих событий следует отметить встречу Нового года (1917) в штабе юго-западного фронта, когда главнокомандующий армиями генерал-адъютант Брусилов произнес речь, где высказал убеждение, что «в этом году враг будет, наконец, окончательно разбит», наказан за то море крови, в которое он погрузил Европу, что необходимо не только уничтожить в немцах «злую силу» в виде милитаризма, но и разубедить их в том, что их опекает особый, «немецкий бог», более похожий по их описаниям на Сатану, воплощающий дух австро-германского народа.

На эту речь ссылался священник Сергей Соловьев в статье «Национальные боги и Бог истинный» (15), напоминая соотечественникам, что не одни немцы отрицают всечеловеческого Бога и вместо него воздвигают национального идола, но этим грешат и многие властители дум в России, для которых борьба России и Германии есть борьба двух национальных богов, а всякий национальный бог, скорее, демоничен, нежели божественен. Соловьева раздражают «голоса национального самообожания» и риторика о «Червоной Руси», «Святой Софии», и он заканчивает свою статью призывом к соединению церквей.

У В.Ф. Эрна эта битва на земле представлена как отражение битвы небесной. Подобно Гомеру, действие у которого разворачивается в двух планах — божественном и человеческом, — Эрн формирует новый эпос. Он не может не различать явного сплетения двух планов: действия высших духовных сил и сцепления эмпирических сил истории, а потому он созерцает, подобно визионеру, как войны России в физическом плане стали воплощать то, что прежде в плане духовном представлялось народной святыней. Благодаря его метафизической проницательности современники отчетливо представляют, как «вверху, в планах духовных, пафос восстания на Отца встречается с пафосом возврата к Отцу — демон одного

народа обнажает свой меч против Ангела другого народа, внизу же, в физическом плане, миллионные армии немцев наступают на миллионные армии русских» (16). Подобную феноменологию войны разделяет и Бердяев, отмечавший в статье «О „вечно-бабьем“ в русской душе», что постижение смысла войны ведет к пониманию того, что все, что совершается на войне внешне, материализует лишь, является совокупностью «знаков» всего того, что совершается в иной, духовной сфере.

Подводя итог, повторим, что Первая мировая война явилась новой точкой историософского отсчета, важным моментом коллективного самоопределения и индивидуальной самоидентификации, и годы немирного времени стали кратким и плодотворным периодом для русской общественной мысли.

Высказывания мыслителей имели огромное значение для современников, став творческим вкладом в самопознание России, подготовив ее к последующим испытаниям. Выявление «сущности войны» породило многочисленные опыты постижения «духа народа» (как своего собственного, так и противника) и конструирования образа России. Таким образом, представители общественной мысли России, формирующие основные направления гуманитарного знания, науки и искусства, показали историческое, политическое, философское и богословское измерения войны, что может пригодиться нам и в условиях мирного времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) 8 апреля 2013 г. в Государственной думе состоялось первое заседание оргкомитета по подготовке мероприятий, посвященных 100-летию начала Первой мировой войны, а через два дня в Российской академии наук прошел круглый стол, организованный ассоциацией историков на тему «Происхождение Первой мировой войны: альтернативные подходы». В 2014 и 2015 г. было проведено множество конференций и опубликовано текстов, здесь особо стоит отметить фундаментальный труд коллектива авторов «Россия в Первой мировой войне. 1914—1918» (М.: Российская политическая энциклопедия, 2014) — энциклопедию в 3 томах, а также конференцию «Интеллектуалы идут на „великую войну“ (К 100-летию со дня начала первой мировой войны)» (Москва, НИУ ВШЭ).
- (2) См. его аргументы в сочинении «Философия неравенства (Письма к недругам по социальной философии)».
- (3) Мысли о природе войны // Биржевые ведомости. 1915. 26 июня.
- (4) «По заветному примеру Православных наших предков, призвав в помощь Бога Всемогущего, Мы готовы встретить врагов наших, где бы они ни предстали, и не щадя себя будем в неразрывном союзе с Святою Нашею Русью защищать честь имени Русского и неприкосновенность пределов наших».
- (5) Исторические судьбы славянства // Экскурсионный вестник. 1914. № 3.
- (6) На перевале. Перед спуском // Русская мысль. 1914. № 8—9.
- (7) Война, Германия, Европа и Россия. 1915 г., Лекция 1-я.
- (8) Война и мировая задача России // Русская мысль. 1914. № 12.
- (9) О «вечно-бабьем» в русской душе // Биржевые ведомости. 1915. 14, 15 янв.
- (10) Налет Валькирий // Биржевые ведомости. 1915. 30 января.
- (11) Исторические судьбы славянства // Экскурсионный вестник. 1914. № 3.
- (12) О духовной сущности Германии // Русская мысль. 1915. № 10.
- (13) Русские думы. Речь, произнесенная в заседании московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева 6 октября 1914 года // Русская мысль. 1914. № 12.

- (14) Памяти В.Ф. Эрн. (Речь в заседании Московского религиозно-философского общества памяти В.Ф. Эрн 22 мая 1917 года).
- (15) Христианская мысль. Киев. 1917. № 3/4.
- (16) «Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия». 1915. Лекция 2-я.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бердяев Н.А.* Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008.
- [2] Русские философы о войне: Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, В.Ф. Эрн. М.: Кучково поле, 2005.
- [3] Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907—1917: В 3 т. / Московско-Петербургский Философский Клуб; Федеральное архивное агентство; Российский государственный архив литературы и искусства; Библиотека фонд «Русское Зарубежье». Т. 3: 1914—1917. М.: Русский путь, 2009.

LIFE'S PURPOSE AND CULTURAL VALUES THROUGH THE RELIGIOUS AND METAPHYSICAL ANALYSIS OF WAR: RUSSIA'S WAR EXPERIENCE 1914—1918

V.V. Vanchugov

Department of the History of Russian Philosophy
Faculty of Philosophy
Lomonosov Moscow State University
Lomonosovsky prospekt, 27/4, Moscow, Russia, 119991

The article presents the statements of the leading Russian social thinkers, pointing out the historical, political, philosophical and theological dimensions of the First World War. This war has become a turning point in Russian history, a new point of philosophical reflection as well as an important point of identification and self-determination of individuals and communities

Key words: church, identity, ideology, image, intelligentsia, mythology, politics, psychology, religion, society, war.

REFERENCES

- [1] *Berdyayev N.A.* Russkaya ideya. SPb.: Azbuka-klassika, 2008.
- [2] Russkie filosofi o voine: F.M. Dostoevskii, Vl. Solovev, N.A. Berdyayev, S.N. Bulgakov, E.N. Trubeckoi, S.L. Frank, V.F. Ern. M., Kuchkovo pole, 2005.
- [3] Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Sankt-Peterburge (Petrograde): Istorija v materialah i dokumentah: 1907—1917: V 3 t. Moskovsko-Peterburgskij Filosofskij Klub; Federal'noe arhivnoe agentstvo; Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva; Biblioteka fond «Russkoe Zarubezh'e». Т. 3: 1914—1917. М.: Russkij put', 2009.